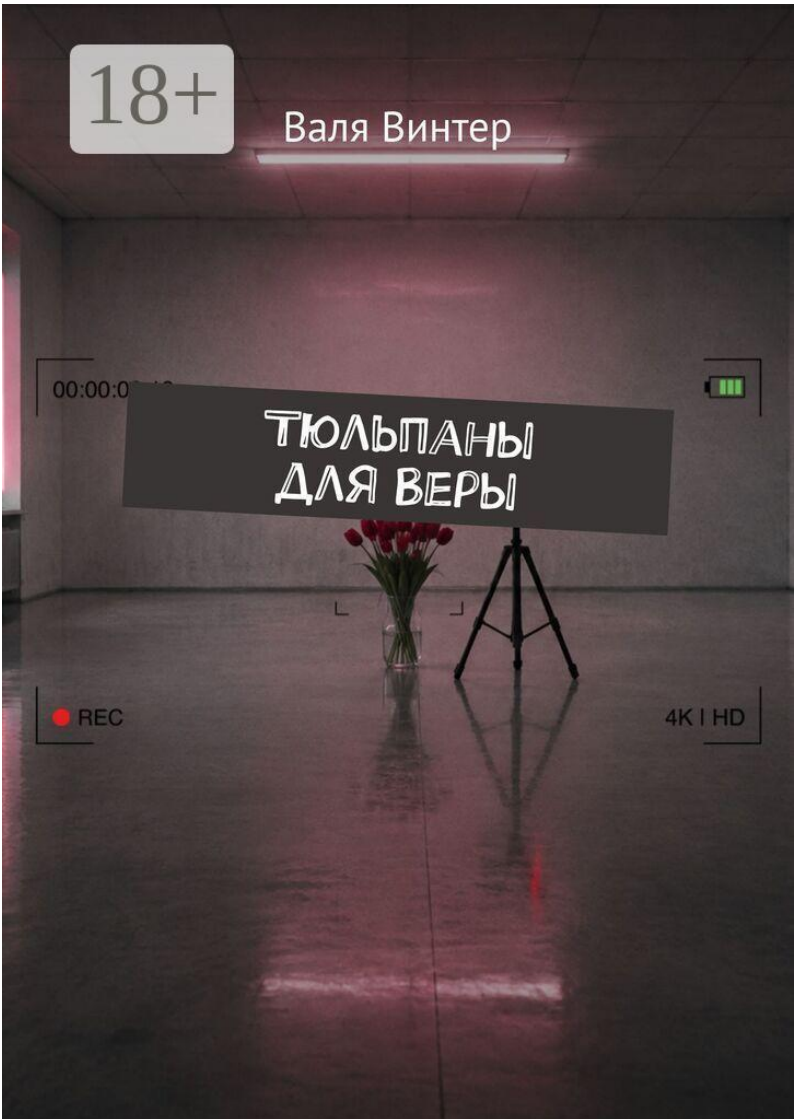
18+
Валя Винтер
00:00:0
ТЮЛЬПАНЫ ДЛЯ ВЕРЫ
REC
4K I HD

Валя Винтер
Тюльпаны для Веры

https://litres.ru/74834804
ISBN 9785007162135

Аннотация

Вера Ланская знает свой маршрут наизусть: одиннадцать минут от дома до подвала, где расположена студия «Кристалл-Стрим». Двенадцать шкафчиков, комната номер семь, кольцевая лампа. Она умеет быть счастливой по команде и плакать по сценарию. Но однажды Вера начинает понимать, что у нее есть не только цена, но и срок годности. А у студии всегда есть запасной план.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Круг первый. Лимб 5
Круг второй. Похоть 18
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Тюльпаны для Веры

Валя Винтер

© Валя Винтер, 2026

ISBN 978-5-0071-6213-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Круг первый. Лимб

Снег в Минске в конце февраля — не снег, а серая липкая каша, в которой к ночи замерзают пожеванные окурки, мятые обертки от «Сникерсов» и увядшие лепестки тюльпанов. До Международного женского дня еще девять дней, но цветы уже продают в киосках на каждом углу, с приклеенными к стеклам на скотч объявлениями вроде: «Конверт с тюльпанами „Улыбка“ по 195 руб.!» или «Тюльпаны поштучно от 5 руб.»

Вера покупает глазированный сырок в «Грошыке», запахивает пальто и спешит по улице вверх, не глядя на плотно напиханные в пластиковые ведра букеты. Цветы — это к праздникам. А праздники для Веры — не начало выходных, как у всех нормальных людей, а работа в усиленном режиме, но об этом она старается не думать, как не думают перед операцией о наркозе. Думать надо о другом: как бы не опоздать, чтобы у Игоря не было повода ее отчитать, жадно цепляясь злыми глазенками за ее виноватое лицо.

Она идет через двор, где на лавочке, несмотря на ранний час, уже сидит местный выпивоха Валерон с коричневой бутылкой пива «Крыніца» и пялится стеклянным взглядом в экран телефона, листая бесконечную ленту видео большим

пальцем с неровно обкусанным ногтем. Заметив Веру, Валерон важно кивает ей отекшей физиономией, как кивают своим, хотя «своей» он ее не считает, потому что «свои» для него только те, кто с ним пьет. А Вера не пьет. Она вообще ничего не делает, кроме работы, сна и дороги между домом и студией. Дорога занимает одиннадцать минут. Вера знает здесь каждую трещину в асфальте, каждое матерное граффити на стенах и каждого голубя, который зимует у мусорных баков и от ожирения уже не летает, а ходит вперевалку туда-сюда.

Студия, где работает Вера, расположена на северо-западе Минска, в микрорайоне Брилевичи, в подвале панельного дома на улице Калиновского. Железная дверь, свежеокрашенная в цвет «мокрый асфальт», кодовый замок. Код доступа 1-6-0-0, и Вера набирает его одной рукой, уже на автомате, не глядя на цифры. Замок щелкает. Внутри — узкий зеленый коридор с лампой накаливания; пахнет хлоркой и дешевым освежителем «Морской бриз»; из глубины помещения доносится приглушенная музыка вперемешку с женскими стонами и смехом. На стене висит журнал посещений на гвоздике — обычная общая тетрадь в клетку, сорок восемь листов, тигр на обложке. Вера берет ручку на веревочке и пишет: «Явка в 08:32. Вера Ланская». Слово «явка» придумал Игорь. Он говорит: «У нас как в воинской части, девочки, дисциплина — залог конверсии».

В раздевалке в ряд выстроились двенадцать металлических шкафчиков, явно списанных с какого-нибудь производства. Чуть помятые, окрашенные в серый прямо по ржавчине, с острыми краями, о которые девочки часто цепляют и рвут чулки. Одиннадцать заняты, двенадцатый — ее. В шкафчике Вера хранит с десяток резиновых членов разных размеров и форм, несколько комплектов нижнего белья, зарядку для телефона и фотографию покойной матери, на которую Вера не смотрит уже года два, но и не выбрасывает, потому что выбрасывать нельзя — это как выбросить паспорт или нательный крестик. Мама умерла от инсульта пять лет назад, а других родственников у Веры никогда не было, и в графе «контактное лицо на случай форс-мажора» в ее анкете стоит прочерк. Игорь тогда посмотрел на прочерк и странно ухмыльнулся: «Ну и отлично, меньше бюрократии». Вера тогда не поняла, почему он отреагировал так, а сейчас уже не хочет понимать.

Ритуал начинается с душа. Вера раздевается догола и складывает вещи аккуратно, как в армии, — трусы сверху, носки внутрь ботинок. Пол и стены в душевой в желтых потеках и с темной плесенью, проросшей в стыках между кафельными терракотовыми плитками. Щеколда на двери — маленькая и хлипкая, существующая лишь для того, чтобы создавать видимость приватности. Вода из лейки идет сна-

чала холодная и ржавая, с утробным рычащим бульканьем, а через три минуты нормальная.

Она моется гелем, который пахнет лавандой, и трет себя мочалкой до красноты, особенно бедра и живот, будто смывает не грязь, а вчерашний день. Потом вытирается мягким микрофибровым полотенцем — жестких, как любит Вера, в студии нет, потому что Игорь считает, что махровые «старят кожу» и «портят товарный вид».

Потом — бритье. Синий пластиковый станок «Рапира», пена из баллончика, детское масло для кожи после. Вера бреет все, что положено по регламенту, и регламент этот висит на стене в файлике.

> «ГИГИЕНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ВНЕШНЕМУ ВИДУ СОТРУДНИЦ.
>
> Пункт 1: Полное удаление волос, кроме головы и бровей. За нарушение — штраф 30 руб.
>
> Пункт 2: Ногти — короткие, без покрытия, кроме лака по требованию клиента…»

Вера бреет подмышки и думает о том, почему станки закупают самые дешевые и тупые, и о том, по какой причине расходники вычитают из ее процента, если в гладкости кожи сотрудниц заинтересована сама студия. Ни тому, ни другому не находится объяснения.

Потом — макияж. Это самое важное. Тональный крем «Макс Фактор», пудра, тени «Персиковый рассвет», тушь, помада «Коралловый поцелуй» — все по схеме, которая наклеена на зеркало в виде распечатки со стрелочками. Схему для девочек составляла Оксана — администратор студии. При приеме на работу она сказала Вере: «Ты должна быть как с обложки, но не как с обложки журнала „Гаспадыня“, а как с обложки „Плейбой“. Чувствуешь разницу?» Вера сказала, что чувствует.

Вера наносит тушь и смотрит в зеркало. Оттуда глядит обнаженная девушка с миндалевидными зелеными глазами и золотистыми, как рожь, волосами до пояса. Вера красивая — ей это говорили всю жизнь, начиная с шестого класса. Но ее это никогда не радовало, потому что красивая — значит, можно дорого продать. Красивая — значит, высокий спрос.

Вера надевает комплект тонкого, почти прозрачного белья нежно-василькового цвета с аппликацией из страз, берет из шкафчика несколько игрушек и выходит в коридор, чтобы занять закрепленную за ней комнату номер семь.

Сначала она педантично расставляет фаллоимитаторы по размеру на столе возле компьютера. Затем ставит кольцевую лампу. Вера включает ее, и комната преображается: серые стены становятся теплыми, тени уходят, кожа светится,

а стразы на трусах и лифчике сверкают при каждом движении, переливаясь манящим блеском. После подготовки она садится на красный диванчик, спиной к стене, лицом к компьютеру с веб-камерой. Открывает рабочий профиль на сайте.

Игорь заходит в комнату, не стучась, — так заведено. В руке у него телефон, на экране открыта статистика за вчерашний день.

— Вера, ты вчера сделала восемьдесят два доллара. Ты понимаешь, что это мало?

— Понимаю.

— Тогда почему ты общалась через губу? Я просмотрел запись. Повторяю: клиент не должен видеть грустных баб, он платит за то, чтобы ему было хорошо. Так что все свои печальки и гормональные скачки оставляем за порогом, окей? И улыбайся!

Вера улыбается. Игорь недовольно смотрит на нее секунды три, потом кивает и уходит. Вера знает, что улыбка у нее правильная, потому что она тренировалась: уголки губ вверх, зубы видны, глаза слегка щурятся, собирая кожу в легкие «искренние» морщинки. Вера умеет ее делать, даже когда плачет — это ее профессиональный навык. И иногда она

думает, что это вообще единственный ее навык.

В 09:00 она входит в эфир. Первый — «Виктор_55», постоянный клиент, который любит, когда она говорит, что счастлива. Не что «ей хорошо с ним», не что «ей приятно» — именно что «она счастлива». Это его фетиш. Вера не знает, откуда у людей берутся такие фетиши, и не хочет знать. Она надевает наушники, включает микрофон и говорит:

— Здравствуй, Виктор. Соскучился по мне?

«Виктор_55: привет, солнце. соскучился. как ты сегодня?»

— Я счастлива тебя видеть.

«Виктор_55: еще»

— Я счастлива.

«Виктор_55: еще»

Чат справа от экрана течет, как река в половодье, и Вера научилась читать его не глазами, а краем сознания, потому что, если читать внимательно, можно сойти с ума. Обращать внимание надо только то, что касается оплаты, — остальное ненужный мусор.

«Виктор _55: еще»
«Виктор_55: еще»
«Виктор_55: еще»
«Модератор: не спамить»
«Виктор_55: я плачу»
«Виктор_55: еще, девочка, еще»
«Леха_К: бро у тебя клаву заело?»
«Лекса: я смотрю как качаются ее сиськи, это гипноз»
«Милый_Дом: Виктор, ты ее загонял»

На сорок третьем «я счастлива» голос начинает садиться. Вера знает этот момент — он всегда наступает где-то между сороковым и пятидесятым повторением. Она замолкает на мгновение, чтобы выпить воды из бутылки, а Игорь замечает это в мониторе и пишет ей в личку: *«Пауза минус 5 руб. Работай!»* Вера подавляет порыв закатить глаза, ставит бутылку на пол и с обворожительной улыбкой снова говорит:

— Я счастлива.

«Виктор_55: еще»

— Я счастлива.

Она повторяет это еще двадцать минут, как часовой механизм, пока голова не начинает идти кругом. В конце Виктор платит триста токенов, и на экране выскакивает уведомление: **«Виктор_55 отправил вам подарок: Розы (300 то-**

кенов)»

Нарисованные на экране розы хороши — они, может, и не пахнут, но зато не завянут, не засыпят алой трухой пол и конвертируются в деньги, которые можно будет потратить на курицу-гриль, подписку на «Иви» и глазированные сырки. Вера говорит: «Спасибо, Виктор, ты лучший. Я буду ждать тебя снова». Виктор уходит, а на его место приходит следующий.

В перерыве Вера идет в подсобку и садится на синий стул, какие часто можно увидеть в летних кафе. Сжимает тонкими пальцами виски. Оксана приносит ей чай в прозрачном пластиковом стаканчике и, окинув Веру цепким взглядом дипломированного психолога, спрашивает:

— Ты чего это такая?

— Игорь.

— А, ну классика. Слушай, ты принимаешь его болтовню слишком близко к сердцу. Это же просто работа. Пришла, покривлялась, пропустила его пиздеж мимо ушей и ушла. Деньги в конверт, конверт в сумку. Через годик уже купишь себе квартиру.

— Ага, как же. У меня паспорт в сейфе, — ворчит Вера,

громко отхлебывая сладкий чай.

Оксана отмахивается:
— Ну и что? У всех нас паспорт в сейфе.

— И у тебя?

— И у меня.

Она говорит это слишком быстро и не смотрит Вере в глаза. Помолчав, Оксана продолжает:
— Это просто меры безопасности, Вер. У нас тут девочку в прошлом году пытались вывезти. Клиент захотел ее себе насовсем. Хорошо, Слава успел.

Слава — студийный охранник. Гигантская туша в синей спортивной куртке, пропахшей убийственным потом, обычно сидит в конце коридора на стуле как истукан и смотрит в телефон, и Вера никогда не видела, чтобы он двигался, кроме одного раза, когда в студию пытался войти пьяный мужик, перепутавший вебкам-студию с борделем. Тогда Слава просто встал во весь свой двухметровый рост, и алкаш сразу же поспешил покинуть подвальчик, на прощание окропив вязкой рвотой с кусочками колбасы входную дверь.

Вера открывает на мобильном телефоне фотографию тру-

дового договора. Она читает его в третий раз за последний месяц, и каждый раз находит что-то новое. Договор на восемь листов, шрифт «Таймс», кегль четырнадцать, поля по два сантиметра.

> «ТРУДОВОЙ ДОГОВОР №115.
>
> Пункт 3.2: Сотрудница обязуется соблюдать корпоративную этику, поддерживать положительный эмоциональный фон трансляции.
>
> Пункт 4.1: Сотрудница обязуется не разглашать сведения о деятельности студии, в том числе в социальных сетях.
>
> Пункт 4.2: За разглашение — штраф в размере 500 руб.
>
> Пункт 5.3: Студия оставляет за собой право использовать видеоматериалы с участием Сотрудницы в маркетинговых целях бессрочно и без дополнительного вознаграждения…»

А на последнем листе, внизу, мелким шрифтом, в приложении 4, которое Вера раньше пролистывала, потому что не желала разбирать крохотные буквочки, ломая глаза, — вот это:

> «ПРИЛОЖЕНИЕ 4. О ПОСМЕРТНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИЗОБРАЖЕНИЯ.
>
> Сотрудница дает согласие на использование ее изображения, аудио- и видеоматериалов с ее участием после наступления смерти (далее — Событие), в том числе в рамках мемориальных трансляций, рекламных

и архивных проектов Студии. Согласие действует бессрочно. Вознаграждение родственникам и иным представителям не выплачивается. Согласие может быть отозвано в письменной форме не позднее чем за 30 (тридцать) дней до наступления События…»

Вера читает это и думает: «За тридцать дней до наступления События». Как будто смерть — это отпуск, который надо согласовать с начальством. Она смеется — коротко, одним фыркающим выдохом, — и Оксана оборачивается:

— Ты чего?

— Да не, ничего. Мем смешной попался.

Вечером она выходит из подвала в темноту. Снег уже не валит с неба, но кашица под ногами осталась, чавкая при каждом шаге. В прозрачном, как аквариум, киоске продавщица закрывает ведра с тюльпанами целлофаном на ночь. Вера идет домой одиннадцать минут, проходит мимо Валерона, который уже спит на лавочке, положив плешивую голову на пустую бутылку, как на подушку, поднимается на последний этаж. Дома она садится перед выключенным телевизором и смотрит в черный экран, в котором отражается ее лицо. Вера долго глядит на него, скользя взглядом по собственным чертам, искаженным выпуклостью дисплея.

Она засыпает в 23:40, и ей снится журнал посещений в

бледно-голубую клеточку, в котором она расписывается за следующий день. Почерк у нее ровный, каллиграфический, как у робота, и рядом с подписью стоит дата: 1 марта.

Круг второй. Похоть

Утром Вера просыпается от того, что сосед за стеной говорит сам с собой. Старый полусумасшедший дед живет один, но все равно говорит вслух и громко — по утрам он вежливый, по вечерам агрессивный. Сейчас он плачуще умоляет кого-то невидимого: «Ты мне скажы, дзе справядлівасць?»

Вера лежит, слушает, как справедливость ищут в соседней квартире, и думает о том, что ей надо вставать, завтракать и отправляться в студию, потому что справедливости в мире нет. Зато есть необходимость оплачивать аренду жилья.

В студии в этот день пахнет иначе — не хлоркой, а луком, и Вера чувствует этот запах еще в коридоре. Оксана встречает ее в раздевалке с миской; в миске — луковица, большая, фиолетовая, с проросшим зеленым пером, и рядом — маленький нож с облезшей ручкой.

— Привет, — деловито говорит Оксана, — сегодня у нас спецзаказ. Клиент «Магнум_777» хочет, чтобы на стриме поплакали. Не истерику с соплями, а красивые женские слезы. Уж не знаю, заводит его это или что, но главное, что он платит пятьсот токенов за сессию — это двести баксов. Я решила поставить тебя на стрим. Возьмешься?

— Возьмусь, — кивает Вера.

— Супер. Только не гримасничай, плачь красиво, чтобы тебе хотелось помочь, а не дать салфетку. Поняла?

— Поняла.

— Вот, — Оксана ставит миску на скамейку, — если не умеешь плакать специально, то возьми. Лук порежешь сама, только глаза им не три, просто держи перед лицом. В камере не пали.

Вера кивает. Она раздевается, идет в душ, моется, наносит макияж по схеме.

В 09:00 она начинает эфир. «Магнум_777» уже там, аватарка — машина «БМВ». Вера садится лицом к камере. Кольцевая лампа подсвечивает покрасневшие глаза, персиковую кожу, блеск на пухлых губах. Она держит половинку луковицы перед лицом, но не близко, чтобы камера не видела ее. Чат вспыхивает новыми сообщениями.

«Магнум_777: привет, малыш»
«Магнум_777: покажи мне настоящие слезы»
«Лекса: я тоже хочу посмотреть»
«Гость_34: а пачему у нее глаза красные?»

Вера начинает говорить то, что положено по сценарию: что она одинока, что у нее нет никого, кто бы ее пожалел и с кем можно было бы поговорить. Это не ложь и не правда — это текст, написанный Оксаной.

«СЦЕНАРИЙ №13: СЛЕЗЫ.
1. Одиночество.
2. Утрата.
3. Надежда на клиента.
Запрещено: сморкаться, кричать.
Лук — 1 шт. — 3 руб. — вычесть из процента…»

Вера читает текст, и слезы текут легко и свободно, оставляя влажные темные дорожки на тональном креме. Слеза срывается с подбородка, падает в декольте.

«Магнум_777: ты так здорово плачешь. тебе грустно?»

— Да, — говорит Вера. — Мне так грустно…

«Магнум_777: скажи, почему»

— Потому что я одна.

«Магнум_777: еще»
«Пользователь Гость_208 забанен»

— Потому что меня никто не любит.

«Магнум_777: еще»

— Потому что я не знаю, зачем я живу.

Это последнее — не из текста. Фраза вырывается сама, и Вера на секунду замолкает, хлопнув губами, но чат оживляется.

«Магнум_777: ВОТ. ВОТ ЭТО ОНО»
«Магнум_777: НЕ ОСТАНАВЛИВАЙСЯ»
«Леха_К: жеско бро»
«Гость_34: пиздец кринге»
«Модератор: сообщение удалено»

Клиент платит пятьсот токенов. На экране выскакивает уведомление: **«Магнум_777 отправил вам подарок: Бриллиант (500 токенов)».** Вера плачет сильнее и всхлипывает: «Спасибо, Магнум, ты лучший. Только ты можешь понять меня». Клиент отключается. Остановив запись, Вера вытирает лицо салфеткой. Она черная от туши, в рыжих разводах окислившегося тона. Оксана приоткрывает дверь и просовывает голову в щель:

— Умничка, Вер. Только в следующий раз не «зачем я живу», а «зачем я здесь». «Зачем я живу» — это слишком. Клиенты приходят за расслаблением, а не за философией. Поняла?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.